Косвенная международная подсудность в Гагской конвенции о признании и исполнении иностранных судебных решений 2019 г. (часть I)

ЩУКИН Андрей Игоревич, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Россия, 117218, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34

E-mail: pil@izak.ru

Отсутствие до недавнего времени универсального международного договора, который позволял бы приводить в исполнение решения национальных судов на территории иностранных государств, негативно сказывалось на привлекательности государственного правосудия как механизма разрешения споров с иностранным элементом. Принятая в 2019 г. Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам призвана восполнить этот пробел. Главной целью Конвенции служит создание предсказуемого и эффективного режима трансграничного оборота судебных решений по гражданским делам. Конвенция направлена на обеспечение доступа к правосудию, призвана снизить издержки сторон и риски, связанные с осуществлением международной торговой и инвестиционной деятельности и, как следствие, повысить привлекательность разрешения трансграничных споров государственными судами. Несмотря на то что ряд категорий дел исключен из сферы действия Конвенции ее инструментарий имеет универсальный характер и полностью регулирует процедуру признания и исполнения решений иностранных судов, обеспечивая их мобильность посредством судебного сотрудничества. В частности, в документе прописаны основания как для признания и исполнения решений, так и для отказа в выдаче экзекватуры.

В настоящее время многие страны рассматривают вопрос о возможности присоединения к Конвенции. Наряду с Уругваем вторым государством, присоединившимся к Конвенции, стала Украина. В феврале 2020 г. Европейская комиссия начала процесс консультаций по вопросу о присоединении к Конвенции Европейского Союза.

В статье анализируются положения Конвенции, касающиеся одного из центральных вопросов, рассматриваемых в случае признания и исполнения иностранных судебных решений, — вопроса о косвенной международной подсудности. Конвенция закрепляет перечень оснований подсудности, создавая тем самым международное обязательство признавать и исполнять решения, постановленные в соответствии с этими юрисдикционными критериями.

Ключевые слова: Гагская конвенция о судебных решениях 2019 г., косвенная международная подсудность, юрисдикционный критерий (фильтр), признание и исполнение иностранных судебных решений, экзекватура.

Для цитирования: Щукин А. И. Косвенная международная подсудность в Гагской конвенции о признании и исполнении иностранных судебных решений 2019 г. (часть I) // Журнал российского права. 2020. № 7. С. 170—186. DOI: 10.12737/jrl.2020.089

Введение. Проверка компетенции иностранного суда является центральной проблемой, возникающей при рассмотрении вопроса о признании и исполнении иностранного судебного решения. «Рассматривая вопрос об экзекватуре, — писал М. Иссад, — судья прежде всего проверяет, был ли компетентным вынесший решение судья в между-

народном аспекте. Проверка этого аспекта принимается как основное условие выдачи экзекватуры»¹.

¹ Иссад М. Международное частное право. М., 1989. С. 264—265; также см.: Хлестова И. О., Щукин А. И. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений, принятых в связи с производством по делам о банкротстве, в свете типо-

А. Нуссбаум отмечал: признание иностранного решения обусловлено тем, что иностранный суд обладает компетенцией, хотя существуют и другие требования, такие как окончательность судебного решения².

Устанавливаемую во время выдачи экзекватуры компетенцию иностранного суда принято обозначать как «международная косвенная подсудность», «подсудность, касающаяся признания», противопоставляя ее таким образом «непосредственной», или «прямой», компетенции судьи на рассмотрение спора по существу. Правила прямой подсудности применяются выносящим решение судом, поскольку только он непосредственно разрешает вопрос о том, рассматривать спор или нет (эти правила служат предпосылкой для наделения национального суда компетенцией решать правовые споры³). В случае с косвенной подсудностью нормы последней обращены к запрашиваемому суду, поскольку этот суд может контролировать только косвенно, через процедуру экзекватуры, была ли юрисдикция должным образом соблюдена или нет⁴. Приведенная терминология, как отмечает Д. В. Литвинский, подразумевает, что с точки зрения организации судебной системы судья экзекватуры не имеет должных полномочий по контролю прямой компетенции своего иностранного коллеги, а лишь косвенным образом устанавливает ее наличие в

целях признания вынесенного им решения⁵.

В современном процессуальном законодательстве государств техника регулирования международной косвенной подсудности различна. По утверждению А. Нуссбаума, недостаточно того, что государство суда взяло на себя юрисдикцию через собственную судебную систему. Запрашиваемый суд подвергнет иностранный суд независимой проверке⁶. Так, американский суд будет проверять компетенцию иностранного суда на предмет соблюдения минимальных требований надлежащей правовой процедуры, установленных Конституцией США⁷.

В ряде европейских стран компетенция иностранного суда определяется согласно нормам государства, где запрашивается экзекватура. Например, в Великобритании в случае вынесения судебного решения в отношении конкретного лица (*in personam*) этот акт приводится в исполнение только в том случае, если он был вынесен компетентным судом с точки зрения английского международного частного права. Данное требование, как отмечает А. Бриггс, не учитывает правил международной подсудности иностранного суда, а также то, были ли они соблюдены⁸. Причем в некоторых случаях английские суды, как указывается в литературе, применяют двойные стандарты: они претендуют на бо-

вого закона ЮНСИТРАЛ 2018 г. // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 137.

² См.: *Nussbaum A.* Jurisdiction and Foreign Judgments // *Columbia Law Review*. 1941. Vol. 41. No. 2. P. 223.

³ См.: *Щукин А. И.* Международная подсудность как специальная предпосылка права на обращение в суд // *Закон*. 2012. № 8. С. 59—70.

⁴ См.: *Michaels R.* Some fundamental jurisdictional conceptions as applied in Judgment conventions // *Gottschalk E., Michaels R., Ruhl G., Hein J.* Conflict of Laws in a Globalized World. Cambridge, 2007. P. 36.

⁵ См.: *Литвинский Д. В.* Признание иностранных судебных решений по гражданским делам (сравнительно-правовой анализ французского законодательства, судебной практики и юридической доктрины). СПб., 2005. С. 411.

⁶ См.: *Nussbaum A.* Op. cit. P. 223.

⁷ См.: *Dodge W. S.* Jurisdiction in the fourth restatement of foreign relations law // *Yearbook of Private International Law*. Vol. XVIII — 2016/2017. P. 165.

⁸ См.: *Briggs A.* Civil Jurisdiction and Judgments. 6th ed. Oxford; New York, 2015. P. 692.

лее широкую юрисдикцию для себя по сравнению с той, которую они готовы предоставить иностранным судам⁹.

Таким образом, запрашиваемый суд не только проверяет компетенцию иностранного суда в соответствии с собственными законами, но и зачастую проводит дискриминацию в отношении иностранных судов, принимая на себя юрисдикцию в более широких масштабах, чем та, которая уступается иностранным судам¹⁰.

Ситуация, когда государство определяет компетенцию судов по спорам с участием иностранцев на иных юрисдикционных основаниях (прямая подсудность), чем те, которые оно признает действительными при признании и исполнении иностранного решения (косвенная подсудность), получила название «юрисдикционный разрыв» (“jurisdictional gap”)¹¹.

Широко распространен принцип «зеркального отражения», суть которого состоит в следующем. Запрашиваемое государство зеркально переносит свои правила, регулирующие компетенцию по вынесению решений, на государство, где принято решение: «Мы признаем его решение, — пишет Х. Шак, — если иностранный суд при гипотетическом действии германского права подсудности обладает международной компетенцией по вынесению решения»¹².

В ряде иных стран действует противоположное правило. Так, в Ли-

ване компетентность иностранного суда, вынесшего решение, проверяется согласно иностранным нормам — нормам данного суда. Договорное право Алжира содержит нормы, закрепляющие и то, и другое решение вопроса¹³.

Д. Стюарт пишет, что традиционно признание и исполнение решений, вынесенных иностранными судами, регулируется исключительно внутренним законодательством и практикой каждого государства и, следовательно, зависит от различий в национальных подходах к таким вопросам, как юрисдикция, применимое право, а также размер и характер ущерба. Отсутствие согласованных международных стандартов приводит к тому, что вынесенные судами одной страны решения со значительными трудностями признаются и исполняются судами другой страны. В условиях все более взаимосвязанной глобальной экономики, когда трансграничные сделки столь привычны, а ответчики могут не иметь активов в пределах юрисдикции, в рамках которой успешный истец мог бы привести в исполнение свое решение, этот результат (неисполнение решения) является существенным препятствием для эффективного разрешения транснациональных споров¹⁴.

Не менее острой является проблема чрезмерных оснований международной подсудности, причем в разных странах, по мнению некоторых авторов, они незначительно отличаются друг от друга. Международная подсудность французских судов, основанная на гражданстве (или голландская подсудность, устроенная на domicile, или немецкая подсудность по месту на-

⁹ См.: *Trevor C. H. International Commercial Litigation: Text, Cases and Materials on Private International Law*. Cambridge; New York, 2009. P. 346—347.

¹⁰ См.: *Nussbaum A.* Op. cit. P. 224.

¹¹ Подробнее см.: *Comparative Study of Jurisdictional Gaps and Their Effect on the Judgments Project*. URL: <https://assets.hcch.net/docs/7ebd2982-351a-4ca7-b6b3-356c8cdc1778.pdf> (дата обращения: 23.03.2020).

¹² Шак Х. Международное гражданское процессуальное право. М., 2001. С. 405.

¹³ См.: *Иссад М.* Указ. соч. С. 265.

¹⁴ См.: *Stewart D. P.* The Hague Conference Adopts a New Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters // *American Journal of International Law*. 2019. Vol. 113. Iss. 4. P. 772—773.

хождения имущества), возможно, не очень схожа с компетенцией судов в США, основанной на временном пребывании иностранца, наложении ареста на имущество или ведении бизнеса. Но по факту эти юрисдикции, как отмечается в литературе, имеют общую основу: страны склонны пренебрегать интересами ответчиков, чтобы дать возможность своим гражданам «судиться дома», если собственное государство сможет обеспечить исполнение принятого в результате этого решения на местном уровне. Даже если это вполне объяснимо, чрезмерная подсудность по определению является нежелательной. На самом деле понять ее общую суть — значит осознать всепроникающую опасность этого явления¹⁵. С этим едва ли поспоришь, как и с тем, что конечной целью должна оставаться ликвидация чрезмерной подсудности на основе международного соглашения¹⁶.

Все сказанное свидетельствует о том, что взаимодействие в области трансграничного оборота судебных решений должно основываться в первую очередь на универсальном международном договоре, содержащем унифицированные подходы к решению различных проблем, в том числе связанных с критериями международной подсудности.

История вопроса. В прошлом было предпринято несколько попыток создать многосторонний режим признания и исполнения иностранных судебных решений, который удовлетворял бы интересам большинства стран с разными правовыми системами¹⁷. Первые попытки

разработать глобальный международный документ были предприняты в рамках Гаагской конференции по международному частному праву (далее — Гаагская конференция): в 1958 г. была принята Конвенция о выборе суда по сделкам международной купли-продажи товаров¹⁸. Этот документ, в свою очередь, оказал влияние на принятие в 1965 г. Конвенции о выборе суда с более широкой сферой действия, не ограниченной лишь спорами из договоров купли-продажи товаров¹⁹. Но ни один из этих документов не вступил в силу²⁰. Гаагская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам 1971 г.²¹ также не получила требуемой поддержки государств.

ция Лиги арабских государств о приведении в исполнение иностранных судебных решений и арбитражных решений 1952 г., Брюссельская конвенция по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров 1968 г., Межамериканская конвенция об экстерриториальном действии иностранных судебных и арбитражных решений 1979 г.

¹⁸ См.: Convention of 15 April 1958 on the jurisdiction of the selected forum in the case of international sales of goods. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=34> (дата обращения: 23.03.2020).

¹⁹ См.: Convention of 25 November 1965 on the Choice of Court. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=77> (дата обращения: 23.03.2020).

²⁰ Об истории создания в рамках Гаагской конференции унифицированных норм о признании и исполнении иностранных судебных решений подробнее см.: Loon H. van. Towards a Global Hague Convention on the Recognition and Enforcement of Judgements in Civil or Commercial Matters // Zbornik radova Pravnog fakulteta Univerziteta u Nišu. 2019. Vol. 58. Br. 82. S. 16—23.

²¹ Convention of 1 February 1971 on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil and Commercial Matters.

¹⁵ См.: Clermont K. M. & Palmer J. R. Exorbitant Jurisdiction // Maine Law Review. 2006. Vol. 58. No. 2. P. 504—505.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Региональные усилия по оказанию содействия в признании и исполнении иностранных судебных решений в соответствии с многосторонними договорами имели больший успех, о чем свидетельствуют, в частности, такие документы, как: Конвен-

Возобновление усилий по разработке глобального многостороннего соглашения приходится на начало 1990-х гг., но из-за разногласий, в том числе по поводу необходимости закрепления в документе и норм о международной подсудности (прямой), и норм об экзекватуре (косвенной подсудности), переговоры зашли в тупик. Гаагская конференция, как отмечал А. Мерен, оказалась между Сциллой, «подрывающей цель поощрения зарождающейся индустрии электронной торговли», и Харибдой, «исключающей электронную торговлю из сферы действия проекта конвенции в качестве одного из путей продвижения вперед»²².

В поисках выхода из сложившейся ситуации Комиссия по общим вопросам и политике Гаагской конференции, собравшаяся в апреле 2002 г., постановила, что Постоянному бюро при содействии рабочей группы следует подготовить менее масштабный документ, не затрагивающий спорные области, — дела, касающиеся потребителей, электронной торговли и интеллектуальной собственности. Рабочая группа предложила свести проект конвенции лишь к соглашениям о выборе суда, который был поддержан на 20-й дипломатической сессии Гаагской конференции в июне 2005 г. Принятая Конвенция в отношении соглашений о выборе суда 2005 г. (далее — Гаагская конвенция о выборе суда 2005 г.) предусматривает приведение в исполнение решений суда, чья компетенция основывается на соглашении сторон об исключительном выборе форума. По словам А. Мерена, ограниченная сфера действия данного документа дает возможность добиться реального успеха и двигаться вперед по

пути создания более всеобъемлющего свода правил международной подсудности²³. Эти слова профессора стали пророческими. В настоящее время договаривающимися сторонами Гаагской конвенции о выборе суда 2005 г. являются более 30 стран²⁴, а в июле 2019 г. была принята Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам²⁵ (далее — Конвенция).

Отметим, что удовлетворенная достигнутым прогрессом Группа экспертов, заседавших 18—21 февраля 2020 г., рекомендовала Совету по общим вопросам и политике Гаагской конференции продолжить работу над последней частью головоломки — вопросами, касающимися прямой международной подсудности, — в целях подготовки дополнительного документа²⁶.

История Гаагских переговоров убедительно показывает, что Конвенция — плод усилий разработчиков, направленных на сближе-

²³ См.: *Mehren A. T. von*. Op. cit. 375.

²⁴ В основном это страны — участницы Европейского Союза, а также Мексика, Черногория, Сингапур, США, Китай, Республика Северная Македония, Украина (последние четыре страны подписали Конвенцию, но не ратифицировали). В перспективе Россия также могла бы стать участницей Гаагской конвенции о выборе суда 2005 г., о чем мы уже отмечали ранее: *Щукин А. И.* Вопросы подсудности в международных договорах с участием России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 20—21.

²⁵ См.: *Convention of 2 July 2019 on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters (Hague Judgments Convention)*. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=137> (дата обращения: 23.03.2020).

²⁶ См.: *Conclusions & Recommendations adopted by the Council of 5—8 March 2019 (para. 5)*. URL: <https://assets.hcch.net/docs/c4af61a8-d8bf-400e-9deb-afcd87ab4a56.pdf> (дата обращения: 23.03.2020).

URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=78> (дата обращения: 23.03.2020).

²² *Mehren A. T. von*. *Adjudicatory authority in private international law: A comparative study*. Leiden; Boston, 2007. P. 366.

ние и согласование правовых позиций и на достижение значимых компромиссов в такой ощутимой для каждого государства сфере, как отправление правосудия. Разработанная Гаагской конференцией Конвенция призвана в определенной мере устранить национальные различия в подходах к регулированию порядка проверки косвенной подсудности на основании единых юрисдикционных критериев (фильтров) и установить равенство государств путем равномерного распределения судебной компетенции по трансграничным спорам.

Д. Стюарт, давая характеристику Конвенции, отметил: переговоры были затяжными и зачастую трудными, а их успешный исход никогда не был гарантирован. Окончательный текст Конвенции является объемным (32 статьи), юридико-техническим и более детальным, чем, например, Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йоркская конвенция) 1958 г.²⁷ Единогласное принятие Конвенции членами Гаагской конференции, образующими сегодня более разнообразную на региональном уровне группу государств (по сравнению с предыдущими периодами работы конференции), позволяет утверждать, что Конвенция вполне может найти большее признание в международном сообществе, чем принятая в 1971 г. ее предшественница²⁸.

Европейская комиссия в обоснование предложения о присоединении к Конвенции указала, что правовая определенность в сфере обращения иностранных судебных решений может позитивно отразиться на объеме международной торговой и инвестиционной деятельности как предпринимателей ЕС, желающих продавать свои товары (услуги) в

третьих странах, так и иностранных лиц, желающих инвестировать в ЕС. Более активное воздействие на международные рынки повысит конкурентоспособность предприятий ЕС в мировой экономике и, вероятно, окажет благоприятное влияние на инновационную и исследовательскую деятельность в ЕС. Большая свобода выбора товаров и услуг на рынке ЕС может положительно сказаться на потребителях из-за увеличения предложений и вероятного снижения цен²⁹. Полагаем, что приведенные аргументы заслуживают внимания и, исходя из подобных положительных факторов, следует рассматривать вопрос о целесообразности присоединения к Конвенции и России.

Основное содержание Конвенции. Основопологающим элементом структуры всей Конвенции выступает ст. 5, предусматривающая перечень оснований международной подсудности (косвенных юрисдикционных фильтров, *indirect jurisdictional filters*), которые признаются законными для целей признания и исполнения вынесенных решений. Все основания подсудности, перечисленные в упомянутой статье, можно условно разделить на четыре группы: 1) подсудность, основанная на наличии связи между государством происхождения³⁰ и стороной спора, в отношении которой испрашивается признание и исполнение решения; 2) подсудность, основанная на соглашении сторон; 3) подсудность, основанная на наличии связи между государством происхождения и предметом спора; 4) подсудность, основанная на нали-

²⁹ URL: <https://ec.europa.eu/info/law/better-regulation/have-your-say/initiatives/12166-Accession-to-the-Judgments-Convention> (дата обращения: 23.03.2020).

³⁰ Используемые в данной статье понятия «суд происхождения», «государство происхождения» означают «суд или государство, где было вынесено предъявляемое к признанию и исполнению судебное решение».

²⁷ Ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1960 г.

²⁸ См.: Stewart D. P. Op. cit. P. 774.

ции взаимосвязи между рассматриваемыми исковыми требованиями (*forum connexitatis*). Для целей признания и исполнения решения достаточно установления наличия одного юрисдикционного критерия, определенного в Конвенции; иерархии между этими критериями не существует.

Перечень поименованных в Конвенции оснований подсудности носит исчерпывающий характер. В то же время договаривающиеся государства могут признавать и исполнять решения на основе других «льготных» юрисдикционных критериев, предусмотренных национальным законодательством, что вытекает из ст. 15 Конвенции. Но в случае несоблюдения исключительной подсудности в отношении споров о вещных правах на недвижимое имущество, предусмотренной в ст. 6 Конвенции, решение суда не может быть исполнено в любом случае, несмотря на иное регулирование в национальном законодательстве государства, участвующего в Конвенции.

Таким образом, обязательства по Конвенции создают только те основания подсудности, которые перечислены в ст. 5 и 6. Конвенция определяет круг удовлетворяющих соответствующим требованиям судебных решений (*“eligible judgments”*), т. е. решений, циркулируемых в соответствии с данным документом, и в связи с этим предписывается минимальный стандарт взаимного признания и исполнения решений.

По словам Р. Брэнда, Конвенция устанавливает минимальный уровень для признания и исполнения, ниже которого договаривающееся государство не может опускаться, но и не устанавливает верхнего предела. Из чего следует, что общая политика заключается в признании и исполнении иностранных решений³¹. Сходного мнения придержи-

вается Л. Тейтц, которая отмечает: подход по принципу «снизу вверх» можно рассматривать как оставляющий больше возможностей для роста по мере развития гармонизации и более гибкого реагирования Конвенции на быстро развивающиеся области права в изменяющихся экономиках и технологиях. Имеющиеся у Конвенции, с точки зрения некоторых авторов, недостатки могут быть, как указывает Л. Тейтц, сильной стороной в достижении максимального качества жизни и привлекательности Конвенции³².

Перечисленные в Конвенции основания международной подсудности являются лишь косвенными юрисдикционными критериями. Иными словами, эти критерии не устанавливают прямую компетенцию судов по рассмотрению спора по существу. Она по-прежнему определяется национальным законодательством. Критерии подсудности, перечисленные в ст. 5 и 6 Конвенции, — это основания, которые запрашиваемое государство рассматривает в качестве законных для целей признания и исполнения вынесенного судебного решения. Они являются косвенными в том смысле, что на них ссылается запрашиваемое государство в своей оценке связей рассмотренного спора с государством происхождения. В целом Конвенция исходит из того, что для признания наличия у иностранного суда компетенции достаточно, чтобы спор в должной степени был связан с государством, суд которого вынес решение, чтобы между делом и судом имелась тесная (очевидная, характерная) связь.

Таким образом, критерии прямой международной подсудности, на ос-

Completed, and the Path Ahead // *Netherlands International Law Review*. 2020. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40802-020-00152-9> (дата обращения: 23.03.2020).

³² См.: *Teitz L. E.* Another Hague Judgments Convention? Bucking the Past to Provide for the Future // *Duke Journal of Comparative and International Law*. 2019. Vol. 29. P. 503.

³¹ См.: *Brand R. A.* Jurisdiction and Judgments Recognition at the Hague Conference: Choices Made, Treaties

новании которых суд государства происхождения счел себя обладающим компетенцией, не имеют отношения к целям Конвенции. Рассматривая вопрос о том, соответствует ли иностранное судебное решение юрисдикционным основаниям ст. 5 или 6 Конвенции, запрашиваемое государство не дает оценку применению другим государством-участником правил международной подсудности, которыми последний руководствовался.

Подобный подход к конструкции Конвенции, по мнению некоторых авторов, основан на концепции, согласно которой основания подсудности для инициирования иска и основания подсудности, приемлемые для признания и исполнения судебного решения, не пересекаются во многих правовых системах, причем последняя подсудность, признания, является более ограниченной, чем первоначальная, прямая, подсудность. Вместе с тем Конвенция потенциально может привести к большей гармонизации прямой подсудности, а также повлиять на последующую работу в этом направлении³³.

В структуре Конвенции нет нового подхода, неизвестного другим договорам о признании и исполнении иностранных судебных решений. История возникновения подобной конструкции, как указывают некоторые авторы, уходит корнями далеко в прошлое, к договорам 1934 г. между Великобританией и Францией, а также Великобританией и Бельгией³⁴. Рабочая группа при разработке проекта Конвенции уделила время на изучение альтернативных подходов, но ни один из них не был признан реально осуществимым. Один из вариантов, который был рассмотрен, заключался в том, чтобы покончить с перечнем основа-

ний подсудности и предусмотреть, что договаривающееся государство должно признать и привести в исполнение решение суда происхождения, если его собственные суды будут осуществлять юрисдикцию в соответствующих обстоятельствах. Между тем такой подход, по мнению Д. Годдарда, сопряжен с двумя основными трудностями. Во-первых, это не способствует достижению цели общедоступности и ясности правового акта о признании и исполнении судебных решений: для того чтобы узнать, будет ли решение государства А приведено в исполнение в государствах В и С, необходимо было бы обратиться к национальному праву каждого из этих государств, регулирующему основания прямой международной подсудности. Применение подобного международного соглашения будет отличаться в разных государствах и меняться по мере изменения со временем норм национального законодательства о прямой подсудности. Во-вторых, едва ли данный подход можно признать политически реалистичным. Многие государства имеют широкие основания для осуществления прямой юрисдикции в соответствии с национальным законодательством, например, во многих государствах общего права достаточно присутствия ответчика в стране во время командировки.

Государства с такого рода основаниями прямой международной подсудности вряд ли захотят признавать и исполнять судебные решения других стран, где спор был разрешен исходя из аналогичных юрисдикционных критериев. Но если бы упомянутый подход был взят за основу принятой Конвенции, государства с широкой юрисдикцией должны были бы признавать решения других государств со столь же обширной юрисдикцией, разве что до присоединения к Конвенции они не изменили кардинально свое национальное законодательство. Это создало бы новый и весьма значи-

³³ См.: *Teitz L. E. Op. cit.* P. 501, 509.

³⁴ См.: *Goddard D. The Judgments Convention — The Current State of Play // Duke Journal of Comparative and International Law.* 2019. Vol. 29. P. 483.

тельный барьер для широкой ратификации и почти наверняка, по мнению Д. Годдарда, означало бы, что международное соглашение — это мертвая буква, каким бы теоретически безупречным оно ни было³⁵. С этим вряд ли поспоришь.

Правила косвенной международной подсудности. Первое правило косвенной подсудности основано на общей идее «естественного» или «отечественного» форума (“natural” or “home state” forum). В Конвенции в качестве юрисдикционного критерия используется постоянное место жительства, в отличие от других вариантов, содержащихся в национальном законодательстве или единообразных правовых документах, таких как domicilio или гражданство. Преимущество постоянного места жительства состоит в том, что оно является фактологическим связующим элементом, в отличие от domicilia или гражданства, выражает тесную связь между человеком и его социально-экономическим окружением и с меньшей вероятностью может вызвать противоречивые оценки со стороны судов. Если лицо, в отношении которого испрашивается признание и исполнение, проживало, т. е. имело свое постоянное (обычное) место жительства (habitual residence) в государстве вынесения решения, то эта связь является законной основой для юрисдикции.

Приведенное правило косвенной подсудности действует независимо от процессуального положения участника спора, оно не ограничивается только ответчиком. Например, может оказаться, что истец проиграл дело и ответчик добивается признания и исполнения решения против этого лица в запрашиваемом государстве.

Отсутствие в Конвенции определения постоянного места жительства физического лица может привести к различиям в разных го-

сударствах в толковании данного понятия, хотя ст. 20 данного документа должна препятствовать этому³⁶. Что касается юридических лиц, то в п. 2 ст. 3 Конвенции приводятся четыре альтернативных варианта для определения их постоянного места нахождения. Так, юридическое лицо рассматривается как имеющее постоянное место нахождения в том государстве: а) где находится его юридический адрес; б) в соответствии с правом которого оно было учреждено или образовано; с) где находится его центральный орган управления; d) где находится его основное место деятельности. Соответственно, согласно подп. “а” п. 1 ст. 5 Конвенции запрашиваемое государство может считать, что суд государства вынесения решения обладает юрисдикцией в отношении юридического лица, если место его нахождения подпадает под любое из перечисленных связующих условий.

Место постоянного проживания лица может изменяться с течением времени, возможно, в ходе судебного разбирательства до окончательного вынесения решения или даже после этого. В целях применения подп. “а” п. 1 ст. 5 Конвенции проверка постоянного места жительства производится на момент, когда лицо, в отношении которого испрашивается признание и исполнение, стало стороной разбирательства в суде происхождения. Иными словами, нет необходимости в том, чтобы это лицо постоянно проживало в государстве происхождения в тот момент, когда запрашиваемое государство проверяет международную подсудность; достаточно, если юрисдикционная связь установлена в момент, когда данное лицо стало участником спора.

³⁶ Согласно ст. 20 Конвенции при ее толковании должны учитываться международный характер данного документа, а также необходимость в обеспечении единообразия применения.

³⁵ См.: Goddard D. Op. cit. P. 483—484.

Формулировка подп. “а” п. 1 ст. 5 Конвенции предполагает, что лицо, в отношении которого испрашивается признание и исполнение, является тем же лицом, которое было стороной разбирательства в государстве происхождения. Однако это положение не препятствует подаче ходатайства о признании и исполнении решения в отношении лица, отличного от того, которое было стороной разбирательства в государстве происхождения, в той мере, в какой первое приняло на себя обязательства последнего в порядке правопреемства и иных способов перехода прав от одного лица к другому. Например, если сторона по делу в государстве происхождения умерла и до признания и исполнения наследники приняли на себя ее обязательства, то решение суда может быть признано и исполнено согласно Конвенции. Естественно, постоянное место жительства наследника в данном случае не имеет значения (при проверке международной подсудности). Вопрос о том, имело ли место правопреемство, регулируется правом запрашиваемого государства, включая его нормы международного частного права.

Физические лица могут осуществлять предпринимательскую или профессиональную деятельность через предприятия, расположенные в государствах, отличных от государства их постоянного проживания. Конвенция в подп. “b” п. 1 ст. 5 предусматривает, что в тех случаях, когда основное коммерческое предприятие физического лица находится в государстве вынесения решения, это является достаточным связующим фактором с этим государством для целей признания и исполнения, но только в тех случаях, когда иск предъявлен в результате деятельности этого предприятия. Такой подход соответствует законным ожиданиям сторон.

Причем необязательно, чтобы предпринимательская деятельность физического лица была не-

посредственно связана с основным коммерческим предприятием. Факт ссылки в тексте Конвенции на слово «основное» предприятие подразумевает, что физическое лицо может вести коммерческую деятельность в нескольких местах, но только одно из них будет квалифицироваться как «основное» предприятие. Место ведения бизнеса физического лица должно находиться в государстве происхождения на момент, когда это лицо стало стороной спора. Приведем пример.

Гражданин А, бухгалтер, обычно проживает в Беларуси, в г. Гродно, на границе двух государств — Польши и Литвы. Главный офис гражданина А расположен в Польше, где он в основном занимается бизнесом и работает на регулярной основе. В то же время он ездит в Литву один раз в неделю, чтобы оказывать там услуги своей небольшой клиентуре. Поскольку в Литве самая низкая цена копировальной бумаги, гражданин А каждую пятницу, когда находится в Литве, делает запас для обоих офисов, покупая ее у компании Y. Если бы возник спор в отношении поставки данной бумаги, то решение, вынесенное в отношении гражданина А польским судом, отвечало бы юрисдикционному критерию подп. “b” п. 1 ст. 5 Конвенции, поскольку Польша является государством, где находится основное место ведения бизнеса гражданина А, даже если требование вытекает из сделки, совершенной в Литве.

Если лицо предъявляет иск в суд, это, как правило, означает, что оно признает компетенцию данного суда. Истец не всегда может иметь выбор места разбирательства спора, определяемого правилами прямой международной подсудности каждого государства, но это не умаляет толкования акта подачи иска в качестве подтверждения согласия на рассмотрение этого иска данным судом.

В подп. “с” п. 1 ст. 5 Конвенции предусмотрено, что факт предъявления иска в суд, вынесший решение, делает любое решение по этому

иску подлежащим признанию и исполнению в отношении лица, предъявившего иск. Этот критерий косвенной подсудности не применим к встречным искам, о которых отдельно говорится в подп. “1” п. 1 ст. 5 Конвенции. Рассмотрим ситуацию.

Гражданин А, обычно проживающий в России, едет на отдых во Францию, где встречает гражданина В, постоянно проживающего в Молдавии. Во время их общения имуществу гражданина А нанесен вред, который, как он утверждает, вызван неосторожностью гражданина В. Гражданин А обращается с иском в молдавский суд, требуя компенсации за ущерб, предположительно причиненный по вине В. Гражданин В успешно выигрывает спор, молдавский суд решает, что В не несет ответственности за убытки А и присуждает В компенсацию судебных расходов. Если А попытается вновь предъявить тождественный иск, но уже во Франции, гражданин В сможет потребовать признания решения молдавского суда во Франции со ссылкой на Конвенцию. Поскольку гражданин А подал иск в суде Молдавии, решение, вынесенное судом данного государства, признается в отношении А в любом другом государстве. Кроме того, решение молдавского суда о возмещении судебных расходов в отношении А может быть предъявлено В к признанию и исполнению в России в силу того же критерия косвенной подсудности.

Следует отметить, что подп. “с” п. 1 ст. 5 необходим в том случае, если истец обычно не проживал в государстве происхождения, поскольку в обратном случае основание косвенной подсудности отвечает критерию подп. “а” п. 1 ст. 5 Конвенции.

В случае если иск предъявляется в связи с деятельностью филиала, агентства или подразделения организации, чье обычное место нахождения располагается в другом государстве, подп. “d” п. 1 ст. 5 Конвенции устанавливает юрисдикцию в отношении ответчика, осуществляе-

мую судами в государстве, в котором находится одно из названных структурных подразделений организации. Когда организация создает и управляет подразделением в другом государстве, оно должно согласиться с юрисдикцией судов такого государства в отношении требований, вытекающих из деятельности данного подразделения. По сути, именно контроль ответчика (организации) над филиалом, агентством или другим подразделением, не имеющим статуса юридического лица в государстве происхождения, оправдывает юрисдикцию суда над первым в государстве, где находится последний. Этот критерий также оправдан наличием тесной связи между спором и судом, который призван его рассматривать. Эта так называемая *branch jurisdiction* (подсудность по месту нахождения филиала) знакома ряду правовых систем, в том числе России.

Конвенция не дает определенных понятий филиала, агентства или подразделения организации, но прямо исключает лиц, имеющих самостоятельную по отношению к ответчику правосубъектность. При этом Конвенция ограничивает рассматриваемый критерий косвенной подсудности, предписывая, чтобы решение в отношении ответчика основывалось на требовании, которое возникло непосредственно из деятельности филиала, расположенного в государстве происхождения, а не из деятельности ответчика в целом. Например, спор возник из договора, который был заключен в филиале организации в государстве вынесения решения, или это подразделение должно нести ответственность за исполнение договора.

Следующие два основания косвенной подсудности касаются решений, вынесенных в отношении ответчиков, которые согласились с компетенцией суда происхождения. Согласие ответчика в тексте Конвенции рассматривается в качестве законного основания для

осуществления судебной власти по трансграничным спорам. В целом в ст. 5 Конвенции предусмотрены три способа выражения согласия: 1) одностороннее прямое согласие в ходе разбирательства (подп. “e” п. 1); 2) подразумеваемое согласие (подп. “f” п. 1); 3) соглашение сторон (подп. “m” п. 1). Если суд в запрашиваемом государстве считает, что ответчик согласился с компетенцией суда происхождения одним из указанных трех способов, этого достаточно по Конвенции для выдачи экзекватуры независимо от отсутствия каких-либо иных связей с государством происхождения. Но при этом все три способа согласия подпадают под конкретные ограничения, когда решение суда выносится в отношении ответчиков, являющихся потребителями или работниками. Об этом подробнее будет сказано ниже.

Ввиду значительных последствий согласия для признания и исполнения последующего решения в соответствии с Конвенцией оно должно быть четко и точно обозначено, чтобы избежать несправедливости по отношению к ответчику. Если ответчик явно согласился с компетенцией суда происхождения в ходе разбирательства, запрашиваемый суд будет считать, что правило косвенной подсудности, содержащееся в подп. “e” п. 1 ст. 5 Конвенции, соблюдено. Конвенция не прописывает форму или содержание явного согласия, т. е. оно может быть устным или письменным. Вместе с тем для толкования понятия «явное согласие» следует принять во внимание следующее.

Во-первых, поскольку существует отдельное положение, касающееся подразумеваемого согласия (подп. “f” п. 1 ст. 5), сфера действия правила подсудности о явно выраженном согласии ограничена и требует положительного действия, выражающего согласие, в отличие, например, от отказа выдвинуть возражение или отказа от оспарива-

ния компетенции суда происхождения. Во-вторых, норма подп. “e” п. 1 ст. 5 не требует, чтобы согласие было направлено в суд. Таким образом, оно может быть адресовано суду или другой стороне в ходе судебного разбирательства. Наличие явно выраженного согласия должно рассматриваться как вопрос факта, подлежащего установлению судом запрашиваемого государства. Приведем примеры, иллюстрирующие актуальность подп. “e” п. 1 ст. 5 Конвенции.

Гражданин А возбуждает дело против гражданина В в суде государства Х, о чем ответчик получает соответствующее уведомление. Гражданин В в своем ответе по электронной почте напоминает А, что их контракт содержит арбитражную оговорку, но стоимость рассмотрения спора в арбитраже будет непомерно высокой, учитывая цену иска. В связи с этим В соглашается рассматривать спор в этом случае в суде государства Х, но оставляет за собой право использовать арбитражную оговорку в любых будущих спорах, вытекающих из данного контракта.

Гражданин С инициирует судебное разбирательство против гражданина D в государстве Y. Гражданин D реагирует, предлагая переговоры для разрешения спора. Стороны частично успешно разрешают спор, но не могут договориться по остальным вопросам. В рамках достигнутых договоренностей С изменяет исковые требования, предъявленные в суд в государстве Y, и гражданин D соглашается с тем, что измененный иск будет разрешен судом в государстве Y.

Гражданин Е возбуждает дело против гражданина F в суде государства Х. В соответствии с процессуальным правом государства Х суд обязан проверить свою компетенцию *ex officio* в отношении споров против иностранных ответчиков. Отмечая, что между иском и государством Х нет никакой связи, суд выясняет у F, обычно проживающего в государстве Y, не желает

ли он выдвинуть какие-либо возражения против данной юрисдикции. Гражданин F отвечает, что он признает компетенцию суда в государстве X и готов приступить к рассмотрению дела.

В отличие от прямого согласия, согласие в подп. "f" п. 1 ст. 5 Конвенции подразумевается, поскольку обычно это происходит из-за того, что ответчик не оспаривает компетенцию суда происхождения, даже если для этого могли быть некоторые основания. Если ответчик не возражает против компетенции суда происхождения, то считается, что он выразил свое согласие с тем, чтобы иск, предъявленный к нему, был рассмотрен этим судом. Ответчик, возможно, пожелает избежать издержек и задержек, связанных с оспариванием компетенции суда; или не видит существенных юридических преимуществ в том, чтобы иск рассматривался в другом суде; или не знает, что существует возможность оспаривания данной юрисдикции.

Согласие с компетенцией суда как основание косвенной подсудности, предусмотренное подп. "f" п. 1 ст. 5, должно предполагаться при соблюдении двух положительных условий. Во-первых, это может произойти только в том случае, если ответчик возражал по существу заявленных требований в суде происхождения. В Конвенции не раскрывается, в чем конкретно состоят эти возражения. В ряде государств любое действие ответчика, выходящее за рамки стандартного оспаривания компетенции суда, рассматривается как связанное с заявлением возражений по существу спора: например, просьба о предоставлении конкретных сведений, подача ходатайства о передаче документов, об обмене соответствующими бумагами или другие формы раскрытия доказательств и т. п. Возражал ли ответчик по существу спора, должно быть оценено с фактической стороны вне зависимости от того, как этот вопрос

решается в государстве происхождения.

В некоторых правовых системах, если ответчик принимает решение продолжить участвовать в разбирательстве дела по существу спора после того, как он не смог оспорить компетенцию суда, это может рассматриваться как согласие с данной юрисдикцией. Конвенция, напротив, исходит из того, что ответчик, который надлежащим образом оспорил компетенцию суда, но проиграл, может по-прежнему защищаться по существу спора, не считаясь согласившимся с юрисдикцией для целей признания и исполнения решения. Причем важно соблюдение второго условия, содержащегося в подп. "f" п. 1 ст. 5 Конвенции: согласие предполагается только в том случае, если ответчик не оспорил компетенцию суда в предусмотренные правом государства происхождения сроки.

Таким образом, отсутствие в тексте Конвенции понятия «возражения по существу» компенсируется возможностью для ответчика влиять на вывод запрашиваемого государства о соблюдении косвенной подсудности ввиду оспаривания компетенции суда происхождения.

Конвенция, оставляя вопрос о сроках оспаривания компетенции суда на усмотрение внутреннего законодательства государства происхождения, предусматривает самостоятельное регулирование исходя из несоблюдения такого срока. Если ответчик не соблюдает процессуальные правила государства происхождения о сроках, в течение которых можно оспорить компетенцию суда, и возражает по существу спора, то принятое решение может быть признано и исполнено в силу Конвенции.

Как отмечалось выше, Конвенция, устанавливая правило подсудности на основе согласия с компетенцией суда, исходит из предпосылки, что ответчик косвенно согласился с тем, что спор будет рассматриваться судом, в котором

был предъявлен иск, даже если могли существовать некоторые основания для возражения против такой юрисдикции. Именно отсутствие возражения является основанием для предполагаемого согласия ответчика. Исходным пунктом данной нормы служит тот факт, что процессуальное право в суде происхождения позволяет ответчику оспаривать компетенцию суда. Только в таком случае отказ от этого действия может быть истолкован как подразумеваемое согласие.

Вместе с тем в подп. “f” п. 1 ст. 5 также формулируется и отрицательное условие правила косвенной подсудности: Конвенция учитывает, имело ли оспаривание компетенции суда происхождения шанс на успех, поскольку в противном случае неразумно требовать, чтобы ответчик предпринял такое действие. Другими словами, Конвенция не возлагает на ответчика бремя оспаривания юрисдикции, если это обречено на неудачу. Если ответчик может доказать в запрашиваемом государстве, что любая попытка оспорить компетенцию суда происхождения не имела шансов на успех, то отказ ответчика от этого действия в суде происхождения не может рассматриваться в качестве подразумеваемого согласия с данной юрисдикцией. При этом Конвенция для исключения злоупотреблений со стороны ответчика устанавливает относительно высокий стандарт доказывания: должно быть очевидно, что возражение против компетенции суда не имело бы успеха в соответствии с законодательством государства происхождения. В качестве примера можно привести следующую ситуацию.

Суд, вынесший решение, отнес дело к своей компетенции на том лишь основании, что иностранный ответчик имел имущество на территории государства данного суда. При этом никакой связи между рассмо-

тренным иском и этим имуществом не имелось. Предыдущие решения этого суда указывают на то, что оспаривание такой его юрисдикции всегда отклоняется, и в результате ответчиком не было заявлено возражений против компетенции суда. В этой ситуации, несмотря на тот факт, что ответчик не оспорил компетенцию суда и возражал по существу иска, окончательное судебное решение не может быть признано и исполнено на основании подп. “f” п. 1 ст. 5 Конвенции.

Обозначенная выше позиция распространяется также на случай отказа ответчика возражать против осуществления юрисдикции (*objection to the exercise of jurisdiction*), что актуально для тех стран, где распространена доктрина *forum non conveniens*. Оговорка, касающаяся вероятности успеха подачи возражений, в подп. “f” включает возражение как против юрисдикции, так и против ее осуществления. Если Конвенция преследует цель ограничить правило подсудности в силу согласия ответчика лишь случаями, когда такое согласие является истинным, то любое доказательство о сопротивлении юрисдикции со стороны ответчика, в какой бы форме оно ни было разрешено процессуальным правом суда происхождения, должно производить определенный эффект.

Как отмечает Ж. Сомье, в тех случаях, когда ответчик может потребовать от суда, обладающего юрисдикцией, отказаться от ее осуществления, он должен сделать это, или же существует риск того, что он будет считаться согласившимся с компетенцией суда. При этом автором высказывается опасение, что, поскольку ст. 15 Конвенции сохраняет возможность исполнения решения на основании национального законодательства, государства не будут лишены такой возможности, если, по их мнению, ответчик согласился с компетенцией суда происхождения, даже если это не со-

ответствует положениям подп. “f” п. 1 ст. 5 Конвенции. Наличие статьи 15, безусловно, снижает предсказуемость, которую Конвенция призвана обеспечить сторонам в трансграничной торговле. Но ее включение в Конвенцию, по мнению автора, является результатом необходимых компромиссов, присущих

переговорам по международным документам³⁷.

³⁷ См.: *Saumier G.* Submission as a jurisdictional basis and the HCCH 2019 Judgments Convention // *Netherlands International Law Review*. 2020. URL: <https://rd.springer.com/article/10.1007/s40802-020-00164-5> (дата обращения: 23.03.2020).

Библиографический список

- Brand R. A. Jurisdiction and Judgments Recognition at the Hague Conference: Choices Made, Treaties Completed, and the Path Ahead // *Netherlands International Law Review*. 2020. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40802-020-00152-9> (дата обращения: 23.03.2020).
- Briggs A. *Civil Jurisdiction and Judgments*. 6th ed. Oxford; New York, 2015.
- Clermont K. M. & Palmer J. R. Exorbitant Jurisdiction // *Maine Law Review*. 2006. Vol. 58. No. 2.
- Comparative Study of Jurisdictional Gaps and Their Effect on the Judgments Project. URL: <https://assets.hcch.net/docs/7ebd2982-351a-4ca7-b6b3-356c8cdc1778.pdf> (дата обращения: 23.03.2020).
- Dodge W. S. Jurisdiction in the fourth restatement of foreign relations law // *Yearbook of Private International Law*. Vol. XVIII — 2016/2017.
- Goddard D. The Judgments Convention — The Current State of Play // *Duke Journal of Comparative and International Law*. 2019. Vol. 29.
- Loon H. van. Towards a Global Hague Convention on the Recognition and Enforcement of Judgements in Civil or Commercial Matters // *Zbornik radova Pravnog fakulteta Univerziteta u Nišu*. 2019. Vol. 58. Br. 82.
- Mehren A. T. von. *Adjudicatory authority in private international law: A comparative study*. Leiden; Boston, 2007.
- Michaels R. Some fundamental jurisdictional conceptions as applied in Judgment conventions // *Gottschalk E., Michaels R., Ruhl G., Hein J. Conflict of Laws in a Globalized World*. Cambridge, 2007.
- Nussbaum A. Jurisdiction and Foreign Judgments // *Columbia Law Review*. 1941. Vol. 41. No. 2.
- Saumier G. Submission as a jurisdictional basis and the HCCH 2019 Judgments Convention // *Netherlands International Law Review*. 2020. URL: <https://rd.springer.com/article/10.1007/s40802-020-00164-5> (дата обращения: 23.03.2020).
- Stewart D. P. The Hague Conference Adopts a New Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters // *American Journal of International Law*. 2019. Vol. 113. Iss. 4.
- Teitz L. E. Another Hague Judgments Convention? Bucking the Past to Provide for the Future // *Duke Journal of Comparative and International Law*. 2019. Vol. 29.
- Trevor C. H. *International Commercial Litigation: Text, Cases and Materials on Private International Law*. Cambridge; New York, 2009.
- Иссад М. *Международное частное право*. М., 1989.
- Литвинский Д. В. Признание иностранных судебных решений по гражданским делам (сравнительно-правовой анализ французского законодательства, судебной практики и юридической доктрины). СПб., 2005.
- Хлестова И. О., Щукин А. И. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений, принятых в связи с производством по делам о банкротстве, в свете типового закона ЮНСИТРАЛ 2018 г. // *Журнал российского права*. 2020. № 1.
- Шак Х. *Международное гражданское процессуальное право*. М., 2001.

Щукин А. И. Вопросы подсудности в международных договорах с участием России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

Щукин А. И. Международная подсудность как специальная предпосылка права на обращение в суд // Закон. 2012. № 8.

Indirect International Jurisdiction in the Hague Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments of 2019 (Part I)

A. I. Shchukin, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow 117218, Russian Federation

E-mail: pil@izak.ru

DOI: 10.12737/jrl.2020.089

As a results of the 22nd diplomatic session of the Hague Conference on Private International Law in 2019, the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judicial Decisions in Civil and Commercial Matters was signed. Until recently, the absence of a universal international treaty that would enforce the decisions of national courts in foreign countries, negatively affected the attractiveness of state justice as a mechanism for resolving disputes with a foreign element. The adopted Convention is intended to fill this gap. The main aim of the Convention is to create a predictable and effective regime for cross-border circulation of court decisions in civil-law cases. The Convention has the goal to ensure access to justice, is designed to reduce the costs of the parties and the risks associated with the implementation of international trade and investment activities and, as a result, to increase the attractiveness of resolving cross-border disputes by state courts.

Despite the fact that a number of categories of cases are excluded from the scope of the Convention (family disputes, insolvency and intellectual property disputes), the instruments of the Convention are universal and fully regulate the procedure for recognition and enforcement of decisions of foreign courts, ensuring their mobility through judicial cooperation. In particular, the document indicates the grounds for both recognition and enforcement of decisions, and grounds for refusing to issue an exequatur.

Currently, many countries are considering joining the Convention. Along with Uruguay, Ukraine became the second state to join the Convention. In February 2020, the European Commission a consultation process on accession to the European Union (EU) Convention has been started. As noted, EU accession to the Convention will meet the goals set out in the principles for the next European Commission (2019—2024): in particular, goals related to an economy that works “for the benefit of people”. Among them are expanding access to justice for businesses and EU citizens through a mechanism that facilitates the recognition and enforcement of foreign judgments around the world, where the debtor has assets. The EU actively participated in the negotiation process, and the results of the negotiations reflect its political interests.

The article analyzes the provisions of the Convention relating to one of the central issues considered in the case of recognition and enforcement of foreign court decisions — the issue of indirect international jurisdiction. The Convention sets out a list of grounds for jurisdiction, thereby creating an international obligation to recognize and enforce decisions made in accordance with these jurisdictional criteria.

Keywords: Hague Judgments Convention of 2 July 2019, indirect international jurisdiction, jurisdictional criterion (filter), recognition and enforcement of foreign judgments, exequatur.

For citation: Shchukin A. I. Indirect International Jurisdiction in the Hague Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments of 2019 (Part I). *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2020, no. 7, pp. 170—186. DOI: 10.12737/jrl.2020.089 (In Russ.)

References

Brand R. A. Jurisdiction and Judgments Recognition at the Hague Conference: Choices Made, Treaties Completed, and the Path Ahead. *Netherlands International Law Review*, 2020. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s40802-020-00152-9> (accessed 23.03.2020).

Briggs A. *Civil Jurisdiction and Judgments*. 6th ed. Oxford; New York, 2015.

Clermont K. M. & Palmer J. R. Exorbitant Jurisdiction. *Maine Law Review*, 2006, vol. 58, no. 2, pp. 474—505.

Comparative Study of Jurisdictional Gaps and Their Effect on the Judgments Project. Available at: <https://assets.hcch.net/docs/7ebd2982-351a-4ca7-b6b3-356c8cdc1778.pdf> (accessed 23.03.2020).

Dodge W. S. Jurisdiction in the fourth restatement of foreign relations law. *Yearbook of Private International Law*, vol. XVIII — 2016/2017, pp. 143—170.

Goddard D. The Judgments Convention — The Current State of Play. *Duke Journal of Comparative and International Law*, 2019, vol. 29, pp. 473—490.

Issad M. International private law. Moscow, 1989. 400 p. (In Russ.).

Khlestova I. O., Shchukin A. I. Recognition and Enforcement of Insolvency-Related Judgments in the Light of the UNCITRAL Model Law 2018. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 1, pp. 122—139. DOI: 10.12737/jrl.2020.009 (In Russ.).

Litvinsky D. V. Recognition of foreign judgments in civil cases (comparative legal analysis of French legislation, judicial practice and legal doctrine). St. Petersburg, 2005. 952 p. (In Russ.).

Loon H. van. Towards a Global Hague Convention on the Recognition and Enforcement of Judgements in Civil or Commercial Matters. *Zbornik radova Pravnog fakulteta Univerziteta u Nišu*, 2019, vol. 58, br. 82.

Mehren A. T. von. Adjudicatory authority in private international law: A comparative study. Leiden; Boston, 2007.

Michaels R. Some fundamental jurisdictional conceptions as applied in Judgment conventions. In Gottschalk E., Michaels R., Ruhl G., Hein J. *Conflict of Laws in a Globalized World*. Cambridge, 2007. Pp. 29—62.

Nussbaum A. Jurisdiction and Foreign Judgments. *Columbia Law Review*, 1941, vol. 41, no. 2, pp. 221—238.

Saumier G. Submission as a jurisdictional basis and the HCCH 2019 Judgments Convention. *Netherlands International Law Review*, 2020. Available at: <https://rd.springer.com/article/10.1007/s40802-020-00164-5> (accessed 23.03.2020).

Shak Kh. International civil procedure law. Moscow, 2001. 560 p. (In Russ.).

Shchukin A. I. International jurisdiction as a special prerequisite for the right to take legal action. *Zakon*, 2012, no. 8, pp. 59—70. (In Russ.).

Shchukin A. I. Questions of jurisdiction in international treaties with the participation of Russia. Cand. diss. thesis. Moscow, 2013. 29 p. (In Russ.).

Stewart D. P. The Hague Conference Adopts a New Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgments in Civil or Commercial Matters. *American Journal of International Law*, 2019, vol. 113, iss. 4, pp. 772—783.

Teitz L. E. Another Hague Judgments Convention? Bucking the Past to Provide for the Future. *Duke Journal of Comparative and International Law*, 2019, vol. 29, pp. 491—511.

Trevor C. H. International Commercial Litigation: Text, Cases and Materials on Private International Law. Cambridge; New York, 2009. 892 p.